

ОТОРВАТЬСЯ ОТ ПУСТОТЫ

«Проект 35» впервые привез в Москву фильм о клубной жизни

Екатерина Сальникова

СКОРО на московских зрителях обрушится англо-ирландская комедия «В отрыв!» молодого режиссера Джастина Керригана. Фильм уже успел наполучать наград — на Бермудском кинофестивале, на Брюссельском, на испанском в Сихоне, в Динарде и, наконец, в Салониках.

Компания уэллской молодежи — некто Джим, Куп, Мофф, Лулу, Нина и прочие — проводит выходные в угаре клубных тусовок, попок, наркотических лакомств, секса и оголтелого общения с незнакомыми или малознакомыми людьми. По всем классическим меркам, герои соответствуют статусу уже не «рассерженных», зато совсем «потерянных» прожитателей жизни. Но режиссер склонен подавать их как обычных забавных тусовщиков, балующихся всеми молными наслаждениями и развлечениями 90-х годов, а стало быть, являющихся не жертвами времени, а его почетными и чуть ли не престижными выразителями. Собственно, противоречие между серьезной общественной темой и попыткой сделать крутое, модное, очень независимое от всей традиционной культуры кино и составляет внутреннюю двойственность фильма.

Сам режиссер говорит, что постарался максимально близко к реальности снять уик-энд современной молодежи Уэллса. Чего ему не хватало, так это смелости сохранить настоящую атмосферу провинций туманного Альбиона. Вот что было бы действительно сногшибательно для международной аудитории, честно по отношению к собственной стране и пронциательно по отношению к родной культурной традиции. Правда, сделать из этого приемлемое кино было бы подвигом. Общую тональность жизни в Уэллсе, в Ирландии и прочих «зеленых уголках» знаменитых островов задает промозгло пасмурный климат и преобладание бедноватой (по западноевропейским стандартам) цивилизации над совсем скудной и мало кому нужной культурой. Кажется, что люди здесь не нужны природе, а людям не нужно ни высокое искусство, ни большая политика, ни общественные движения. К отчуждению провинции от всего остального мира добавляется взаимная отчужденность людей друг от друга. Самые светлые эстетические и духовные впечатления можно почерпнуть преимущественно в процессе shopping'a, просмотра телевизора и похода по пабам и прочим забегаловкам.

Все это создает хроническую подавленность, способствуя развитию депрессивно-истерического синдрома. В качестве душевного сопротивления ему и формируется, во-первых, знаменитое англо-ирландско-шотландское едко вдохновенное остроумие, а во-вторых, тяга к эскападам, экстравагантным жестам, упорному пьянству и дебошам — с сознанием собственного права время от времени прилюдно безобразничать. Всему перечисленному человечество и обязано отчасти появлением знаменитых талантливых чудаков типа Стерна и Льюиса Кэрролла, а также просто выдающихся писателей и драматургов Голдсмита, Шеридана, Уайльда, Бернарда Шоу, Пристли. И даже в ночных попойках и буйстве сэра Тоби и Эгью Эгьючика из «Двенадцатой ночи» Шекспира просматривается не только ренессансная стихия, но и вечная подлинно английская реакция на атмосферу английского захолустья.

Однако Джастин Керриган не горазд на осмысление всей прямой зависимости дикого «отрыва» по уик-эндам от беспробудного унылых будней молодежи Уэллса. Весь фильм выдержан в духе безумного клипа, оглушающего лихорадочным темпом, ритмическими перепадами и шквалом сленга. Монтажные стыки будто впечатывают в сознание аудитории все новые очумелые физиономии «чуваков» и «чувих», что-то орущих, жующих, скалящихся и почти вываливающихся на зрителя с экрана. Главные герои представляют себя и своих друзей, что подразумевает в некотором роде если и не исповедальный характер фильма, то уж по крайней мере оттенок личного дневника, фиксирующего хронике «отрыва». Но эстетика молодежного клипа произвольно придает этой хронике рекламный характер. Все здесь выглядит смешно. Не жизнь, а сплошной прикол. Много шуток, много смачных и пикантных непристойностей, много фарсовых нелепостей. Драматизму отводится роль милого, будоражащего и умиляющего оттенка — того, что в английском разговорном обиходе выражается словом «cute».

Все герои недовольны своей жизнью, своими родителями, своей работой — и это не поза, а настоящее ощущение вполне реального неблагополучия. Нина (Никола Рейнолдс), подавшись импульсу, бросает отставившую ей работу в закусочной фаст-фуд, вливаясь в армию безработного населения. Лулу (Лоррейн Пилкингтон) страдает от вечных неурядиц в любовных отношениях. Мофф (Дэнни Дайер) мучается от общения с

родственниками, которые для него как бы находятся на другой планете и даже не представляют, что происходит в его душе и жизни. Джим (Джон Сим) переживает опасность развития импотенции, ненавистную работу продавца в магазине и натянутые отношения с матерью, милой женщиной, ведущей жизнь проститутки. А Куп (Шон Паркес) работает DJ, но работает плохо и все время нервничает, боясь измен своей герлфренд Нины. Их мир состоит из существенных проблем, поданных как мелкий хлам, и из очень примитивных маленьких радостей, поданных как настоящее счастье. К последним относится удачный секс, удачные тусовки и возможность просочиться в ночной клуб, потанцевать и спокойно избавиться очередной дозой «экстази», чтобы ею воспользоваться в дружеской компании.

Адепты картины пытаются выдать стиль клубной культуры за символ последнего десятилетия XX века. Но если это и есть стиль жизни, крайне неуместны финальные сцены. Тогда зачем Джим дарит цветы матери? Зачем Лулу и Джим на своем сленге, как могут, объясняются друг другу в любви и планируют по ночной улице вполне романтической парой? Зачем Мофф заговаривает о своем решении завязать с наркотиками?

В финале прорывается тоска двадцатипятилетнего Джастина Керригана по вечным ценностям, которые с таким трудом находят себе место в душах и в быту современного молодого поколения. Пытаясь сделать стильное молодежное кино, Джастин Керриган отобразил состояние людей, страдающих от дисбаланса общества. Уик-энд может превратиться в священное безумие тогда, когда будни воспринимаются как каторга, как мир, состоящий сплошь из вещей ненужных и неприятных. Человек испытывает потребность кутить до беспамьяства и отключаться от обыденности всеми возможными способами, если в этой обыденности он не чувствует себя состоявшимся. Молодежь, сама того не осознавая, не столько веселится и развлекается, сколько уходит «в отрыв» от пустоты жизни. Для многих кино Керригана может оказаться экзотикой западной субкультуры. А кто-то, например, молодое поколение российских высоко оплачиваемых клерков всех мастей, выматывающихся за неделю в офисах и «отрывающихся» на уик-энде в барах, дискотеках, ночных клубах и прочих развлекалельных заведениях, вполне созрело для того, чтобы узнать в героях фильма самих себя, только поданных с иным национальным колоритом. ■